Указанное письмо халькистов – членов ЦК партии явилось весьма показательным с точки зрения понимания внутрипартийной ситуации и перспектив курса на национальное примирение. Все содержание письма ярко продемонстрировало пороки и слабости НДПА и глубоко зашедший раскол в ее рядах, делавшие в целом сомнительной ее способность руководить страной и обеспечивать защиту режима. У многих в Афганистане того времени, в том числе и у простых людей, оправданно возникал не риторический вопрос: как же правящая партия может добиться примирения в общенациональном масштабе, если она не в состоянии сделать то же самое внутри самой себя? Представляется, что вопрос партийного единства не могли решить и меры, предлагавшиеся халькистами – членами ЦК, несмотря на их ультимативный тон и характер. По своей сути эти меры означали открытый призыв к расправе над фракцией Парчам, к устранению ее из политической жизни страны и передаче всех партийно-государственных функций в руки халькистов. Если вспомнить историю НДПА десятилетней давности до этого, то такого рода попытки «обеспечить единство» уже имели место при Тараки-Амине, когда с изгнанием парчамистов из партии и органов власти была развернута кампания массовых репрессий и террора против всех неугодных диктаторскому режиму лиц.

Вместе с тем, названное письмо высветило и еще одну проблему: НДПА в результате ее раскола и дробления на разного рода группировки и кланы (см. об этом в разделе «Как снимали Б. Кармаля» данной книги) уже полностью утратила способность к самоорганизации и самосовершенствованию. В тот момент и для авторов письма, и для многих афганцев (членов и не членов НДПА), а также и для советских партийных советников при ЦК НДПА стала совершенно очевидной бесперспективность всех попыток соединить между собой несоединимое – Хальк и Парчам и, как гласит русская пословица, заставить ужиться «в одной берлоге двух медведей». В подобной ситуации идеальным выходом из создавшегося положения могло бы стать создание на базе Хальк и Парчам двух организационно самостоятельных партий. К сожалению, такой вариант для НДПА в конце 80-х годов был закрыт в связи с гражданской войной в стране, когда решался вопрос быть или не быть этой партии и ее режиму вообще.

Предложения халькистов по кадровому аспекту проблемы партийного единства, как это не покажется парадоксальным, встретили сочувствие и поддержку среди определенной части советского советнического аппарата в Афганистане, особенно среди военных советников, некоторых ответственных лиц из группы советников при ЦК НДПА, а также и в посольстве СССР в Кабуле. При их активном лоббировании интересов халькистов и массированного давления Наджибулла, вопреки своей воле, вынужден был летом 1988 г. назначить генерала Ш.Н. Таная (фракция Хальк) министром обороны (см. об этом подробнее в разделе «Мятеж генерала Ш.Н. Таная» данной книги), повысить по службе ряд других военных из числа халькистов и даже ввести некоторых из них в состав ЦК НДПА.

Курс на примирение во время и после вывода из Афганистана советских войск

С началом вывода советских войск афганское руководство в своих публичных выступлениях все еще вдохновлялось идеей национального примирения и надеялось на ускорение процесса умиротворения страны в связи с подписанием Пакистаном и США женевских соглашений и взятых этими странами на себя обязательств по невмешательству во внутренние дела Афганистана. Вместе с тем оно, наряду с мерами по усилению военного потенциала страны, продолжало укреплять основы власти путем целенаправленного формирования новой государственной системы, основанной на многопартийности, принципах коалиционности и привлечении к управлению страной представителей различных политических сил, в том числе и из кругов оппозиции. Еще в первой половине апреля 1988 г. в Афганистане на демократической основе были проведены всеобщие выборы в Национальный совет (парламент). Среди 299 избранных депутатов нижней и верхней палат 44% составляли независимые депутаты и представители РОТА, ОТА, кре-

стьянской и исламской партий, оппозиции, кочевников и территориальных войск, 28 % – представители НФ, 21 % – НДПА и 7 % – представителей профсоюзов, ДОМА и ВСЖ. Более 70 % депутатов Национального совета были беспартийными. Кроме того, в парламенте за представителями вооруженной оппозиции было зарезервировано 62 места. По социальному и национальному признакам избранные депутаты принадлежали практически ко всем слоям, группам и этносам афганского общества. В целом в указанных выборах приняли участие 1 млн. 547 тысяч человек, в том числе жители всех городов и 8666 деревень страны. Новый парламент начал свою работу 28 мая [63]. На первых его заседаниях большинством голосов были избраны председатели палат: Вулуси джирги – беспартийный, доктор права, бывший губернатор ряда провинций страны при королевском и даудовском режимах Халил Ахмад Абави и Сената – бывший министр культуры в годы монархии, вице-президент Академии наук РА, беспартийный Махмуд Хабиби. 4 июня Сенат и Вулуси джирга на совместном заседании утвердили А.Р. Хатефа, генерал-полковника М. Рафи, А.Х. Мохтата и А.В. Сораби вице-президентами страны [64].

Еще одним событием по либерализации левого кабульского режима явилось назначение в мае этого года премьер-министром Афганистана беспартийного Мухаммада Хасана Шарка, известного в прошлом политического деятеля, бывшего первого заместителя премьер-министра при республиканском правительстве М. Дауда [65]. В его правительство, состоявшее из 31 министра, вошли, наряду со членами НДПА, 18 беспартийных и представителей других политических и общественных организаций. Новый кабинет объявил важнейшими задачами своей деятельности защиту национального единства, территориальной целостности страны и прекращение братоубийственной войны через национальное примирение.

Большой резонанс в стране вызвала поездка президента Наджибуллы в Нью-Йорк для участия и выступления на третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, состоявшейся в начале июня 1988 г. Кроме официальных встреч в Нью-Йорке, он имел беседы с рядом известных представителей афганской диаспоры в США, в том числе и со старейшим бизнесменом и банкиром, бывшим видным государственным деятелем Афганистана 20-40-х гг. XX в. Абдул Маджидом Забули. Все они одобрительно отозвались о политике национального примирения и высказали свою поддержку правительственному курсу на прекращение гражданской войны в стране.

Между тем обстановка внутри Афганистана продолжала оставаться крайне сложной, несмотря на начавшийся вывод советских войск. Нормализация обстановки на путях примирения, как уже говорилось выше, не входила в планы вооруженной оппозиции. Не помышляли выполнять взятые на себя обязательства по женевским соглашениям и ее зарубежные покровители и доноры. В частности, президент Пакистана Зия-уль-Хак в июне 1988 г. в интервью корреспонденту Би-би-си заявил, что женевские соглашения – это «не что иное, как фиговый листок». Фактически эту же точку зрения разделяли и США. Госсекретарь США Дж. Шульц при встрече в Исламабаде в августе этого года с одним из самых оголтелых экстремистских лидеров «альянса семи» Г. Хекматьяром заверил его: «Мы восхищаемся вашим делом. США и президент Рейган будут продолжать помогать вам». Еще ранее, в мае, администрация Рейгана приняла решение направлять военную помощь напрямую вооруженным антиправительственным формированиям, действовавшим в Афганистане (прежде она направлялась Зия-уль-Хаку, который сам распределял ее среди вооруженной оппозиции). Сразу же после начала вывода советских войск во исполнение этого решения на вооружение моджахедов сплошным, невиданным ранее потоком стали поступать зенитные комплексы «Стингер» и «Блоупайп», ракеты класса "земля–земля», дальнобойные орудия и минометы и современные средства связи. Только 24 мая более 200 грузовиков доставили мятежникам в Афганистане большое количество оружия и боеприпасов через два пограничных пункта в агентстве Куррам (Пакистан) [66]. Огромные арсеналы вооружения складировались в различных районах Афганистана с намерением использовать их, когда придет время генерального наступления на левый кабульский режим.

Дворец «Гольхана», июль 1988 г. Прием президентом РА группы советских советников в связи с их отъездом на родину.
Слева направо: М. Наджибулла и М.Ф. Слинкин.

«Альянс семи» при прямой военной поддержке и содействии своих зарубежных друзей, пользуясь выводом советских войск, принял решение осуществить крупные операции по захвату одного из важных городов Афганистана с целью установления там своей власти и размещения «переходного правительства». Прелюдией к этому явились проведенные при участии иностранных советников (французских, пакистанских и др.) в мае – июле боевые операции по захвату Калата (центр провинции Забуль) и Майданшахра (центр провинции Вардак, расположенный в непосредственной близости от Кабула). В районе Майданшахра мятежники за короткое время сосредоточили более двух тысяч боевиков с тяжелым оружием, а в Калате и того больше – около семи тысяч человек. Затем последовали операции по захвату городов Кундуза (его мятежникам удалось захватить и удерживать в течение нескольких дней), Хоста, Таринкота (центр провинции Урузган), Мехтарлама (центр провинции Лагман) и дважды (в октябре-ноябре и ноябре-декабре) Джалалабада (центр провинции Нангархар). На захват Джалалабада в конце ноября – декабре 1988 г. была брошена 20-тысячная группировка, в которую, кроме мятежников, входили пакистанские «малиши» (отряды племенного ополчения) и подразделения регулярных войск. По афганским данным, только за первые два месяца после подписания женевских соглашений непримиримая оппозиция предприняла на территории Афганистана 2914 военных акций, 95 террористических актов, в результате которых погибли 448 и были ранены 500 мирных жителей. К октябрю число убитых экстремистами достигло 2528 , а раненых – 5595 человек. Были разрушены 32 мечети и культовых сооружений, 4002 жилых дома и 720 дуканов [67].

Хотя «альянсу семи» не удалось захватить ни один из крупных административных центров страны, как ими планировалось, тем не менее «временное переходное правительство» Ахмад Шаха в сентябре 1988 г. обратилось в ООН с просьбой признать его в качестве «единственного законного представителя народа Афганистана». Эта просьба нашла поддержку у Пакистана и США. Американская администрация даже назначила в

ранге посла своего специального представителя в Пакистане по связям с афганской вооруженной оппозицией [68].

Из сказанного выше вытекало, что противники афганского политического урегулирования делали все, чтобы свести весь процесс реализации женевских договоренностей к «игре в одни ворота», то есть: добиться ухода советских войск из Афганистана и привести к власти в этой стране угодное им правительство. Москва и Кабул, естественно, не могли не видеть этого. Уже 16 июня 1988 г. газета «Правда» в своей передовой статье выразила серьезную тревогу по поводу нарушения женевских соглашений со стороны Пакистана и США. Последовали многочисленные ноты протеста в адрес указанных стран. Соответствующие обращения афганской и советской сторон направлялись и генеральному секретарю ООН с просьбами вынести вопрос о нарушениях женевских соглашений на обсуждение Совета Безопасности ООН.

Пакистан и США, чтобы оправдать свои действия, нарушающие дух и букву женевских договоренностей, прибегли, как это водится у недобросовестных политиков, к распространению пропагандистских «уток» и фальшивых заявлений. Так, президент Зия-уль-Хак, выступая в конце июля на пресс-конференции в Равалпинди, заявил, что Советский Союз якобы приостановил вывод войск из Афганистана и более того дополнительно перебросил в Кабул еще 10 тысяч своих солдат [69]. Подобного же рода заявления делали и ответственные лица в Вашингтоне. Факты начисто опровергали эти измышления. К 15 августа 1988 г. из Афганистана была выведена половина советского воинского контингента. Советские гарнизоны оставались лишь в шести провинциях из 32, главным образом, вдоль дорог Герат-Кушка и Кабул-Хайратон [70].

Тем временем Кабул, продолжая действовать в рамках провозглашенной им ПНП, не оставлял попыток завязать диалог с вооруженной оппозицией. В конце октября 1988 г. президент Наджибулла, выступая на заседании Национального совета изложил новые инициативы, направленные на скорейшее прекращение войны в Афганистане. Он предложил противоборствующей стороне: 1) провести прямые переговоры в столице Афганистана или в любой другой мусульманской стране о формировании широкого коалиционного правительства страны на приемлемой для всех основе; 2) созвать конференцию мира и создать условия для проведения выборов и созыва Лоя джирги. Кроме того, афганский лидер высказался за созыв под эгидой ООН международной конференции по Афганистану, на которой бы были рассмотрены вопросы о подтверждении нейтрального статуса Афганистана, об оказании ему гуманитарной и экономической помощи, о выработке международных гарантий защиты прав человека в стране и ее демилитаризации. Ответы «непримиримых» на эти предложения не пришлось долго ждать. Руководитель «альянса семи» Б. Раббани, уверовав в возможность заполучить власть в стране военным путем, в очередной раз отверг мирные инициативы президента РА. К данному времени вооруженная оппозиция уже разработала план наступления на афганскую столицу и, используя отвод советских войск из приграничных с Пакистаном провинций, сосредоточила на ее подступах от 20 до 60 тысяч мятежников [71].

Следует заметить, что мирное урегулирование обстановки вокруг Афганистана не входило в стратегические планы покровителя «непримиримых» – Пакистана не только по его геополитическим расчетам в противостоянии с Индией, по соображениям дальнейшего получения жирного куска американской и прочей помощи, но и из-за ядерных амбиций пакистанской военной верхушки в связи с тем, что в Афганистане (провинция Джаузджан) было обнаружено урановое месторождение, которое, находясь в зоне контроля вооруженной оппозиции, уже разрабатывалось пакистанцами [72].

Афганское руководство, наряду с выдвижением все новых и новых предложений по мирному урегулированию афганской проблемы, одновременно принимало меры к тому, чтобы обеспечить себе необходимый «запас прочности» в противоборстве с вооруженной оппозицией после завершения вывода советских войск из страны. Эти меры касались широкого спектра вопросов, в частности усиления военного потенциала страны (путем формирования отрядов «солдат революции» из числа партийцев и членов моло-

дежной организации, оснащения вооруженных сил современным оружием и техникой и т.д.), экономики, социальных отношений, либерализации режима, укрепления законности и порядка и т.д. Одной из мер явились и репрессии против внутрипартийных оппозиционеров: в октябре 1988 г., накануне очередного пленума ЦК НДПА были арестованы и брошены в тюрьмы М. Барьялай и целый ряд других его единомышленников по обвинению в «действиях против политики национального примирения и женевских соглашений, ведении клеветнической пропаганды, подрывающей национальную безопасность, и создании паники среди населения». Кроме того, указанный пленум «за невыполнение требований прекратить фракционную деятельность» исключил из партии ряд ее членов и вывел из состава политбюро и секретариата ЦК и освободил от всех должностей четырех человек. В их числе был член политбюро ЦК, таджик А.З. Размджу (Парчам) [73]. В кадровой политике Наджибулла продолжал искать себе опору преимущественно в лице выходцев из пактийско-пуштунского родового гнезда.

К концу 1988 г. в Кабуле, как в правительственных кругах, так и на уровне простых людей, уже не оставалось каких-либо сомнений в том, что после завершения вывода советских войск правящему режиму придется вести отчаянную борьбу за свое существование, полагаясь при этом исключительно на военную силу. В связи с этим уместно привести мнение на сей счет заместителя председателя Союза писателей Афганистана Абдула Наиби. «Я не верю, – говорил он советскому корреспонденту, – что лидеры оппозиционных группировок согласятся войти в коалиционное правительство. Главарь даже небольшого вооруженного отряда оппозиции сейчас получает гораздо больше, чем премьер-министр в Кабуле» [74]. Действительно, война в Афганистане приносила немалые барыши лидерам оппозиции. И не только в виде помощи от Запада и консервативных мусульманских режимов региона. Большую мзду главари мятежников получали также от агентов всевозможных зарубежных спецслужб и оружейных спекулянтов за трофейное оружие и технику, особенно новейших образцов. Доходный военный бизнес верхушки вооруженной оппозиции к тому же слился с чудовищной по масштабам торговлей наркотиками и экспортом природных богатств страны, в частности лазурита. В этих условиях лозунг «национального примирения» с вооруженной оппозицией так и не стал «работать» на пользу мирного урегулирования афганской проблемы и, по существу, превратился с самого начала его провозглашения в дежурную декларацию о намерениях лишь одной (кабульской) стороны.

Тем не менее, попытки склонить непримиримую оппозицию к приемлемому для всех сторон компромиссу продолжались. В этом контексте в конце ноября в Исламабаде состоялись беседы сотрудников посольства СССР с представителями афганской оппозиции, а 3 декабря с лидером «альянса семи» Б. Раббани встретился в Саудовской Аравии первый заместитель министра иностранных дел СССР Ю.М. Воронцов с целью поиска путей урегулирования афганской проблемы и, в частности, достижения договоренности о начале диалога между афганцами. Позже переговоры сторон были продолжены в Исламабаде. Ю.М. Воронцов месяц спустя встретился в Тегеране и с руководством афганской оппозиции в Иране во главе с М.К. Халили (т.н. «альянс восьми»), а затем в Риме с экс-королем Афганистана Захир-шахом [75]. Однако все эти встречи с представителями «альянса семи» и «альянса восьми» не имели успеха.

Еще одна попытка сдвинуть афганское урегулирование с мертвой точки была предпринята советским руководством на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 7 декабря. М.С. Горбачев, выступая на ней, внес новые предложения по решению афганской проблемы, а именно: 1) полностью и повсеместно с 1 января 1989 г. прекратить огонь и все наступательные операции и обстрелы; 2) прекратить поставки оружия всем противоборствующим сторонам; 3) на период становления коалиционного правительства направить в Кабул и другие стратегические центры страны контингент ООН по поддержанию мира; 4) созвать и провести международную конференцию по нейтралитету и демилитаризации Афганистана [76].

Президент Наджибулла, в свою очередь, действуя в соответствии с предварительной договоренностью с Москвой, объявил о том, что с 1 января 1989 г. правительственные войска в одностороннем порядке прекращают огонь и проведение боевых операций на всей территории страны, и призвал противоположную сторону последовать этому примеру [77]. Вооруженная оппозиция в тот же день ответила на данное предложение массированными обстрелами столицы и других крупных населенных пунктов, как-то: Джалалабада, Герата, Кандагара, Гардеза, Газни, Хоста и др.

В январе-феврале 1989 г. Пакистан, грубо попирая взятые на себя обязательства по женевским соглашениям, приступил в преддверии окончания вывода советских войск к сосредоточению крупных военных сил в приграничных с Афганистаном районах, особенно в направлении провинций Нангархар, Пактия и Кандагар. Более того, на территорию Афганистана начали перебрасываться пакистанские регулярные части и племенные (пуштунские) отряды малишей с тяжелым вооружением. К указанному времени только на восточном от Кабула направлении было сосредоточено 430 формирований вооруженной оппозиции численностью до 12 тысяч боевиков [78].

Зловещие планы пакистанской военщины в отношении Афганистана раскрыл новый президент Пакистана Гулям Исхак Хан, выступая в феврале в г. Шикарпур. Он заявил, что его страна рассчитывает присоединить к себе Афганистан и создать объединенное афгано-пакистанское государство в форме конфедерации [79]. Следует заметить, что к агрессии против Афганистана были непосредственно причастны и США: администрация Буша уже в начале 1989 г. приняла решение продолжить оказание военной помощи афганским мятежникам, в том числе и поставками зенитных ракет «Стингер», стрелкового и других видов оружия. Делая, как и Пакистан, расчеты на свержение кабульского «коммунистического» режима исключительно с помощью военной силы, Вашингтон отверг советский призыв к тому, чтобы США и СССР наложили эмбарго на поставки вооружения двум воюющим сторонам в Афганистане [80].

Другими словами, речь шла, безусловно, о намерении ликвидировать независимый Афганистан и навязать ему новую форму государственного устройства во главе с марионеточным правительством, подотчетным Исламабаду. Подготовительным звеном на этом пути должно было стать «переходное правительство» моджахедов в составе представителей «альянса семи». В соответствии с данным замыслом, в феврале 1989 г., не без давления со стороны Пакистана, было сформировано третье по счету такого рода «правительство». Его президентом был избран С.Моджаддеди, а премьер-министром – известный афганский ваххабит, глава экстремистского «Исламского союза за освобождение Афганистана» (ИСОА) Р. Сайяф [81].

Все сказанное выше заставило афганские власти принимать экстренные меры военно-политического и психологического характера для зашиты национальной независимости, территориальной целостности и суверенитета страны. Уже к началу февраля 1989 г. в Кабуле получили оружие (автоматы, гранатометы и пр.) 30 тысяч членов НДПА на случай ведения боевых действий в столице и вокруг нее. По крайней мере 45 тысяч партийцев, прошедших военную подготовку, из них 5 тысяч женщин, вошедших в сформированные подразделения медицинской службы, вступили в ряды правительственной армии и войска самообороны. Партийные отряды «солдат революции» к указанному времени успешно сражались против мятежников в провинциях Кандагар, Нангархар, Лагман, Пактия, Забуль [82].

14 февраля кабульское правительство сделало еще одну попытку склонить на свою сторону командиров формирований вооруженной оппозиции, находящихся внутри страны. Оно обратилось к ним с призывом вступить в прямые контакты с властями в целях поиска возможных путей к прекращению кровопролития. Правительство объявило о своей готовности рассмотреть все точки зрения, предложения и требования и, проведя переговоры, принять по ним совместные решения.

Через четыре дня после того, как советские войска покинули Афганистан, в стране, в соответствии с положениями Конституции РА, было введено чрезвычайное положение,

призванное обеспечить мобилизацию всех сил и средств для отпора врагу и защиты существующего строя, порядка и безопасности. Указом президента РА был создан Высший совет обороны родины (ВСОР) с целью осуществления централизованного руководства страной в условиях чрезвычайного положения. В состав ВСОР вошли 26 человек, из которых 21 являлись членами НДПА, в том числе президент Наджибулла (председатель Совета), вице-президент РА А.Р. Хатеф (заместитель председателя), член политбюро и секретарь ЦК НДПА С.А. Кештманд (заместитель председателя), и члены Совета – вице-президент РА М. Рафи, министры обороны, иностранных дел, внутренних дел, государственной безопасности, начальник Генерального штаба и представители высшего военного командования Афганистана. В условиях введенного в стране военного положения прежнее правительство М.Х. Шарка ушло в отставку и вместо него был, создан Исполнительный комитет Совета министров РА во главе с С.А. Кештмандом. Из тюрем были выпущены сторонники Б. Кармаля, а некоторые из них получили высокие государственные посты. В частности, М. Барьялай стал первым заместителем председателя Исполнительного комитета СМ РА [83].

Новые государственные структуры продолжили формирование «революционного ополчения», начали создавать в вооруженных силах офицерские части, активизировали деятельность спецслужб по борьбе с саботажем, антиправительственным подпольем и диверсионными группами. Большое внимание уделялось очистке силами армии окрестностей городов от мятежников, блокировавших подступы к этим городам и обстреливавших их ракетами, минами и снарядами.

К началу марта 1989 г. в Афганистане для правящего режима сложилась в целом довольно угрожающая ситуация. Пакистан сконцентрировал на границе с Афганистаном крупные силы. А оппозиция тем временем, пользуясь многократным прекращением огня со стороны правительственных войск и поспешным отводом советских войск, особенно из приграничных с Пакистаном районов, без соответствующего, надежного занятия их мест дислокации афганскими гарнизонами, практически окружила все крупные города к югу от Гиндукуша и создала серьезную угрозу транспортным коммуникациям страны, по которым осуществлялось снабжение населения продовольствием, горючим и товарами первой необходимости. При этом лидеры «альянса семи» и их зарубежные покровители не скрывали своих намерений, наряду с использованием военной силы, задушить «коммунистический» режим в Кабуле еще и петлей голода. В этих условиях афганское руководство вынуждено было полагаться в основном на воздушный транспорт. По сообщениям советской печати, в первой декаде февраля 1989 г. ежедневно в Кабуле приземлялись до 12 военно-транспортных самолетов Ил–76 с продовольствием и товарами первой необходимости [84].

Повторимся: Пакистан, подталкиваемый США, стал главным организатором агрессии против Республики Афганистан. Свидетельством этого явилось заседание 5 марта 1989 г. пакистанских гражданских и военных руководителей с участием американского посла в Исламабаде. На данном заседании было принято окончательное решение о проведении силами афганской оппозиции и регулярной армии Пакистана наступления на Джалалабад. Пакистанская военщина, уверовав в слабость кабульского режима и его неизбежное крушение после вывода советских войск из Афганистана, уже на следующий день развернула боевые действия по захвату этого важного административного и хозяйственного центра на востоке страны. Со временем вокруг Джалалабада было сосредоточено от 32 до 35 тысяч войск противника, имевших на вооружении до 260 артиллерийских орудий, около 500 минометов, много сотен реактивных установок. В боях против правительственных войск принимали участие отряды ваххабитов, прибывшие из Саудовской Аравии. Город обстреливался дальнобойной артиллерией и с территории Пакистана. По сообщениям печати, на Джалалабад ежедневно обрушивалось от трех до пяти тысяч снарядов [85].

Первоначально планировалось захватить Джалалабад к 10 марта (это была пятница – праздничный день у мусульман) и провести там первое заседание «временного переход-

ного правительства» моджахедов и таким образом создать прецедент для его широкого «признания» на международной арене. Следует подчеркнуть, что решение о наступлении на Джалалабад было принято в Пакистане также и с учетом предстоявшей встречи министров иностранных дел государств – членов Организации Исламская конференция, которая должна была состояться 13 марта в Саудовской Аравии. По расчетам противников Кабула, взятие Джалалабада должно было поднять престиж «переходного правительства» моджахедов в глазах мусульман и помочь ему занять место Афганистана в ОИК, которое пустовало с 1980 г.

Столкнувшись с прямой агрессией со стороны Пакистана, президент Наджибулла 10 марта обратился к генеральному секретарю ООН, а также к СССР и США, как гарантам женевских соглашений. В связи с этим обращением Совет Безопасности ООН провел в апреле ряд заседаний по обсуждению вопроса об эскалации вмешательства извне во внутриафганские дела. В дискуссии приняли участие более 40 стран. Большинство из них пришли к выводу, что главной причиной сохранения напряженности в регионе явились агрессивная политика Пакистана и нарушение им женевских соглашений. Однако нашлись и его защитники. Делегаты США, Саудовской Аравии, Малайзии, Японии, а также представители ОИК попытались оправдать действия Пакистана и вообще снять с повестки дня этот вопрос. При этом представитель США при ООН даже высказал мнение, что Совет Безопасности ООН будто бы не может и не должен играть какую–либо заметную роль в Афганистане [86].

В сложившейся ситуации президент РА Наджибулла, по-прежнему стремясь к поиску путей политического урегулирования афганской проблемы и принимая во внимание, что США не выполняют взятые на себя обязательства гаранта женевских соглашений, в конце апреля в интервью одной американской телекомпании высказался за прямые переговоры между Соединенными Штатами и его правительством и одновременно выразил готовность встретиться с президентом США Бушем и обсудить вопросы войны и мира в Афганистане. Однако США не собирались менять свои подходы к решению афганской проблемы. Они вместе со своим протеже – Пакистаном – выдвинули в качестве одного из возможных способов достижения политического урегулирования в Афганистане устранение кабульского правительства и создание так называемого «нейтрального правительства технократов», которое, по их замыслу, должно будет вступить в переговоры с вооруженными формированиями оппозиции с целью создания правительства на широкой основе, но без Наджибуллы и его партии. Запад и консервативные исламские режимы отвергли также и предложение Советского Союза о проведении международной конференции в целях урегулирования положения в Афганистане и вокруг него как «неприемлемое» [87].

Тем временем ожесточенные бои под Джалалабадом продолжались. Оппозиции и пакистанским войскам не удалось захватить этот город и превратить его в место пребывания «переходного правительства». Вопреки ожиданиям, они столкнулись здесь с исключительным мужеством, стойкостью и организованностью правительственной армии. Это вынуждены были признать и западные СМИ. Так, журнал «Ньюсуик» в номере от 24 апреля 1989 г. писал: «Они (бойцы афганской армии. – М.С.) отражают атаки, проявляя неожиданную дисциплину и отвагу». Джалалабад, где противник за пять месяцев, прошедших после вывода советских войск потерял убитыми и ранеными свыше 22 тысяч человек, стал символом стойкости афганских правительственных войск [88].

Убедившись в иллюзорности своих попыток свалить кабульский режим за несколько недель или месяцев и потерпев поражение под Джалалабадом, афганская вооруженная оппозиция и ее иноземные хозяева перешли к поэтапным операциям военного давления на этот режим и подготовке условий для захвата Кабула и других городов. К концу апреля вокруг Герата было сконцентрировано около 6 тысяч мятежников. Крупные отряды боевиков осаждали Кандагар, Хост, Гардез. Бои велись против правительственных войск вдоль дороги Хайратон-Саланг- Кабул.

Анализируя события, происходившие в Афганистане и вокруг него, нельзя не вспомнить, что с лета 1989 г. к спекуляциям вокруг афганской проблемы нежданно-негаданно подключились советские деморощенные защитники прав и свобод человека. Слабо разбираясь в специфике политических процессов в Афганистане и находясь в плену расхожих западных предвзятых оценок и дезинформации по афганскому вопросу, они начали активно с трибуны Верховного Совета СССР и в СМИ повторять дикие домыслы и суждения, нацеленные на то, чтобы опорочить действия советских войск в Афганистане и заодно и советский строй. Одним из такого рода «правдоискателей» оказался весьма популярный на Западе «апостол правозащитного движения в СССР» А.Д. Сахаров, который в протестном порыве назвал афганских моджахедов «патриотами» (знал бы он, что через какой-то десяток лет на Западе их и их последователей назовут международными террористами !). Этот сахаровский пассаж, естественно, не мог не вызвать негативную реакцию со стороны Национального совета РА (парламента). Афганские парламентарии в направленном ими специальном послании в адрес Верховного Совета СССР подчеркнули, что именно на этих «патриотах» и их пакистанских и заокеанских покровителях лежит вся вина за продолжение кровопролития на афганской земле. Обращаясь в заключение лично к А.Д. Сахарову, они писали: «Мы призываем вас, г-н Сахаров, оставить свой протест, далекий от реального политического и социального анализа текущих событий в нашей стране, и присоединиться к тем, кто действительно хочет мира в Афганистане» [89].

Вернемся к положению в Афганистане. В первой декаде июля 1989 г. правительственные войска провели под Джалалабадом крупное контрнаступление и отбросили силы противника к границе с Пакистаном. Итак, сражение под этим городом длилось 124 дня. Каждую минуту на город падало 13 реактивных и артиллерийских снарядов. Было убито 1014 мирных жителей, 2041 ранен. Разрушено 4573 дома, 155 дуканов, 54 мечети, 8 школ [90]. В целом к середине лета на фронтах в Афганистане наступило некоторое затишье, хотя одновременно оппозиция значительно усилила ракетно-артиллерийские обстрелы афганских городов, прежде всего столицы, и начала готовить новые наступательные операции по захвату крупных населенных пунктов страны. В те дни, когда правительственные войска добились крупных успехов под Джалалабадом, Высший совет обороны родины снова повторил свое предложение лидерам оппозиции прекратить боевые действия и решать все спорные проблемы за столом переговоров.

Провал операции по захвату Джалалабада вызвал недовольство и разочарование как в Исламабаде, так и в Вашингтоне. Еще в мае после неудачи запланированного Пакистаном «блицкрига» со службы были уволены его «виновник», генерал-лейтенант Хамид Гуль, начальник управления межведомственной разведки Пакистана, главный опекун афганской вооруженной оппозиции и, кроме него, еще 80 высокопоставленных офицеров-разведчиков. А в американском конгрессе одновременно появились сомнения относительно правильности политики Вашингтона в регионе. Вместе с тем обе стороны – Пакистан и США – не собирались отказываться от своих зловещих планов в отношении Афганистана. Так, представитель США в ранге посла при афганской оппозиции П. Томсен, говоря об американской политике в регионе и конкретно на афганском направлении, подчеркнул: «Наша политика не изменилась. После вывода советских войск она осталась такой же, какой была до вывода». Выражая подходы администрации Буша к урегулированию афганской проблемы, он заявил, что решить ее якобы невозможно без устранения от власти Наджибуллы и его партии и что США намерены пойти в оказании помощи «переходному правительству» моджахедов так далеко, как это только возможно». Тут же США начали поставки «альянсу семи» новой крупной партии военных грузов на общую сумму 100 млн. долларов. Среди них были, как и прежде, зенитные ракеты «Стингер», 120-миллиметровые минометы, реактивные снаряды повышенной мощности, предназначенные для обстрела городов [91].

Следует еще раз отметить, что США, добиваясь свержения правительства Наджибуллы, не ограничивались только подпиткой афганских моджахедов все нараставшими

военными поставками. Американские военные и спецслужбы фактически определяли тактику и стратегию вооруженной оппозиции в Афганистане и направляли ее деятельность. В июле 1989 г. с этой целью в Исламабад прибыл небезызвестный американский генерал Н. Шварцкопф. Встретившись с лидерами «альянса семи», он призвал их к сочетанию партизанской войны против Кабула с формированием регулярных воинских частей мятежников под эгидой «общеафганского командования», чтобы с их помощью обеспечить успешный штурм и захват крупных афганских городов.

Пребывание Н. Шварцкопфа в Пакистане совпало с началом ожесточенных боев по захвату г. Хоста (провинция Пактия). Здесь оппозиция ставила ту же цель, что и под Джалалабадом: овладеть этим важным стратегическим пунктом и посадить там «переходное правительство». Вокруг Хоста моджахеды сосредоточили 12 тысяч человек. В боях на стороне оппозиции принимали участие пакистанские регулярные войска и племенное ополчение (малиши), а также арабские наемники при поддержке танков и тяжелого вооружения. Одновременно вооруженная оппозиция активизировала боевые действия на восточном, кандагарском, гератском и кабульском направлениях. В начале сентября защитники Хоста отбили все атаки противника и сорвали его планы овладеть этим городом. Вместе с тем, не реализовав планы по захвату крупных городов Афганистана, оппозиции все же удалось к осени 1989 г. полностью подчинить себе пять провинций из 31, а именно: Кунар, Пактику, Бамиан, Тахар, Каписа.

В этой острой и сложной военно-политической ситуации президент Наджибулла, выступая в августе 1989 г по радио и телевидению в связи с 70-й годовщиной восстановления независимости Афганистана, предложил еще одну формулу политического урегулирования афганской проблемы. В частности, он повторил, что правительство РА готово начать диалог со всеми другими афганскими группировками и вообще всеми афганцами, заинтересованными в прекращении кровопролития и установлении мира в стране, а также согласно на созыв всеафганской мирной конференции и создание на ней полномочного Руководящего совета. Предусматривалось, что данный Совет подготовит проведение Лоя джирги для решения таких кардинальных проблем, как утверждение новой афганской конституции и закона о парламентских выборах, избрание нового парламента и сформирование нового правительства. Афганское правительство выступило также за то, чтобы будущие всеобщие выборы в стране прошли под наблюдением ООН. Кроме того, была подтверждена ранее высказанная Кабулом идея о созыве международной конференции с участием Афганистана, СССР, Пакистана, Ирана, США, Индии и Китая с целью гарантирования постоянного нейтралитета Афганистана, его демилитаризации и обеспечения политических прав и свобод всех членов афганского общества [92].

В те же августовские дни Наджибулла, отвечая на вопросы специального корреспондента «Известий», выразил согласие с предложением об одновременном прекращении советской военной помощи Афганистану и поставок американской стороной оружия оппозиции. Однако он, хорошо зная цинизм и лживость правящих кругов США в вопросах соблюдения международных обязательств, усомнился, что, пойдя на этот шаг, они будут в действительности его соблюдать. И что особенно важно отметить, афганский лидер в этом интервью не исключил вероятность перерастания острых афгано-пакистанских противоречий в вооруженный конфликт между двумя странами. «Если Исламабад не изменит свою враждебную политику, – сказал он, – возможность военного конфликта между Пакистаном и Афганистаном может каждую минуту стать реальностью» [93]. Эти слова президента РА вряд ли можно было считать только пропагандистским ходом. Вмешательство пакистанской военщины во внутриафганские дела становились действительно угрожающе широкомасштабным. Хотя, надо признать, перерастание афганского конфликта в войну между двумя соседними государствами не отвечало интересам ни Афганистана, ни Пакистана, ни СССР и ни других стран региона и мира вообще.

В середине октября 1989 г. в Пакистане состоялось еще одно совещание с участием американского посла в Исламабаде Роберта Оукли, специального представителя прези-

дента США при афганской оппозиции П. Томсена, высокопоставленных пакистанских офицеров и главарей «альянса семи». Речь на нем шла о разработке и проведении новых операций по захвату крупных афганских административных центров. По сообщениям прессы, организацией этих операций должны были руководить 60 американских военных советников [94]. Противники Кабула, разрабатывая планы по свержению правительства Наджибуллы, не ограничивались только военными операциями. Их действия развертывались еще по нескольким другим направлениям, в частности: осуществление блокады крупных городов страны и транспортных коммуникаций, прежде всего дороги Хайратон-Кабул; проведение саботажа и диверсий на важных народнохозяйственных объектах республики и осуществление террористических актов против неугодных лиц; разложение правительственных войск, подрыв их боеспособности и склонение к переходу на сторону моджахедов; организация и ведение широкомасштабной информационно-психологической войны против кабульского «коммунистического» режима (см. об этом подробнее в разделе «Афганистан: уроки информационной войны» данной книги).

В соответствии с разработанными в Исламабаде планами, в октябре-декабре 1989 г. оппозиция снова развернула ожесточенные бои против правительственных войск под Джалалабадом, Хостом, Кандагаром, на севере страны и в других местах. Все они, однако, закончились провалом, что не могло не подействовать отрезвляюще на ряд полевых командиров и рядовых боевиков. Вместе с тем определенное воздействие на их умонастроения оказывали и многочисленные обращения кабульских властей по поводу прекращения сопротивления. К примеру, только осенью этого года под влиянием указанных выше факторов на сторону центрального правительства перешли 74 отряда общей численностью 24 тысячи человек, а со 113 группами (30 тысяч боевиков) были подписаны протоколы о прекращении огня [95].

Впрочем, приведенные выше цифры не являлись каким-то свидетельством коренного изменения военно-политической обстановки в Афганистане в пользу кабульского режима. Дело в том, что массовый переход моджахедов на сторону властей в преддверии зимы и холодов был для многих из них вынужденной мерой, чтобы отсидеться в тепле населенных пунктов. Как показала жизнь, с наступлением весны они нередко снова уходили в горы и примыкали к бандформированиям в надежде «заработать» большие деньги, которые им щедро обещали за участие в джихаде главари непримиримой оппозиции. И так продолжалось из года в год: война для одних (узкой верхушки) превратилась в доходный бизнес, а для других (десятки тысяч выбитых из мирной житейской колеи простых людей) – в рискованный промысел средств к существованию.

Перед такого рода жизненной реальностью афганское партийно-государственное руководство в октябре 1989 г. вынесло на обсуждение очередного пленума ЦК НДПА вопрос о задачах партии по самостоятельной защите независимости страны и достижению мира. Хотя в докладе Наджибуллы и в выступлениях участников пленума по инерции все еще подчеркивалась важность курса на национальное примирение, тем не менее основной акцент был перенесен на организацию вооруженной защиты существующего строя от внешней агрессии. В связи с этим были отмечены правильность и своевременность введения в стране после вывода советских войск чрезвычайного положения и последующего его продления по решениям Лоя джирги, что в конечном итоге позволило провести всеобщую мобилизацию материальных и людских ресурсов, укрепить вооруженные силы и сорвать планы интервентов. Говоря о вооруженной агрессии против РА, Наджибулла привлек внимание афганской и мировой общественности к усилившемуся распространению среди непримиримой оппозиции ваххабитской идеологии, что, по его словам, подтвердило еще лишний раз «антиисламскую и антинародную сущность экстремистов» [96].

На указанном пленуме, в условиях непрекращающихся в партии распрей по кадровым проблемам был рассмотрен и организационный вопрос: из кандидатов в члены политбюро ЦК были переведены М.С. Карваль (Хальк) и Ф.А. Маздак (Парчам); секрета-

рями ЦК НДПА назначены Ф.А. Маздак, С. Лайек (Парчам) и инженер Назар Мухаммад (Хальк); в состав ЦК партии были введены 20 новых членов.

В рассматриваемый период афганская тема по-прежнему продолжала оставаться актуальной в советской внешней политике. Еще в июле 1989 г. в Стокгольме состоялись советско-американские консультации по Афганистану. С советской стороны их вел посол по особым поручениям Н.И. Козырев, а с американской – заместитель госсекретаря США по делам Ближнего Востока и Южной Азии Джон Х. Келли. В связи с этим обменом мнениями в Кабуле была выражена надежда, что СССР и США примут решение об одновременном прекращении военных поставок всем противоборствующим сторонам в Афганистане. Вместе с тем еще тогда (повторим еще один раз) афганское правительство считало такую меру недостаточной. По его мнению, необходимо было оказать давление на лидеров оппозиции с тем, чтобы убедить их немедленно начать переговоры с правительством Наджибуллы. Однако, как показали стокгольмские консультации, Вашингтон не торопился форсировать мирный процесс в Афганистане, предпочитая дать моджахедам еще один шанс добиться военной победы на поле боя над «коммунистами». Что касается «альянса семи», то он безоговорочно выступил против самой идеи советско-американских переговоров по Афганистану [97].

В октябре этого года министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, выступая на сессии Верховного Совета СССР, подтвердил неизменность советской внешней политики в отношении Афганистана и политического урегулирования афганской проблемы. «Как бы тяжело нам ни было – заявил он, – мы не имеем морального права отказать афганскому народу в поддержке. Если бы мы это сделали, то обесценили бы жертвы, принесенные нашими людьми» [98]. Нельзя возразить – правильные слова! К сожалению, вскоре горбачевское руководство забыло о своем моральном долге и ответственности за судьбу афганского народа.

Проблема афганского урегулирования была поставлена и на советско-американской встрече на высшем уровне у берегов Мальты в начале декабря 1989 г. Небезынтересно, что накануне данной встречи в Вашингтон прибыла делегация в составе представителей пакистанских властей и «президента» афганской оппозиции С. Моджаддеди. Они пытались убедить президента США Дж. Буша не идти ни на какие уступки Советскому Союзу и Республике Афганистан в вопросах политического урегулирования афганской проблемы, а также хотели добиться от США увеличения военной помощи и активизации политической поддержки «переходного правительства» моджахедов. Как показали последующие события, американская администрация не собиралась прекращать военную помощь афганским экстремистам. Ее объем возрастал год от года. Если в 1984–1986 гг. он составлял 1,1 млрд. долларов, то в 1987–1988 гг. – 1,7 млрд., а в 1989 г. уже достиг 1,2 млрд. долларов. Более того, накануне указанной советско-американской встречи у берегов Мальты США и Саудовская Аравия приняли решение выделить в срочном порядке для афганской оппозиции с целью закупки новых партий оружия еще 715 млн. долларов, из которых доля США составляла 280 млн. долларов [99].

Необходимо отметить, что с конца декабря 1989 г., когда Съезд народных депутатов СССР постановил считать решение о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. как акцию, заслуживающую «морального и политического осуждения», [100] отношение к афганской проблеме в высших эшелонах власти СССР и в кругах новоявленных отечественных «демократов» стало радикально меняться к худшему. При их активном участии в стране началась шумная кампания шельмования всего того, что связано с советским военным присутствием в Афганистане, и, более того, ставиться под сомнение сама необходимость продолжения военной и другой помощи Республике Афганистан. Антисоветская и антиафганская направленность всей этой шумихи активно подогревалась и раздувалась официальными кругами Запада и его средствами массовой информации.

Перестроечные процессы в СССР и требование пересмотра советской внешней политики на афганском направлении вызвали панические настроения среди членов НДПА и

приверженцев кабульского режима и их неуверенность в своем будущем. Все эти факторы, вместе взятые, подтолкнули афганскую партийно-государственную элиту к лихорадочным поискам путей и средств к выживанию и в конечном итоге привели в конце 1989 – начале 1990 г. к еще большему обострению внутрипартийных, межфракционных разногласий и распрей. Их апогеем явился антиправительственный мятеж, поднятый в марте 1990 г. генералом Ш.Н. Танаем (см. об этом в разделе «Мятеж генерала Ш.Н. Таная» данной книги и в Приложении 3). В создавшейся драматической ситуации афганское руководство ускорило созыв давно планировавшегося 2-го съезда НДПА. Он состоялся в Кабуле в конце июня 1990 г. Съезд декларировал создание на базе НДПА новой политической организации – Партии Отечества.

Наджибулла в пространном докладе на съезде (в газете большого формата текст этого доклада на языке дари занял более шести полос) отметил, что партия за более чем четвертьвековую историю прошла сложный путь подъемов и падений. Говоря о негативных явлениях в партии, он подверг резкой критике глубоко зашедший раскол НДПА на фракции и группировки и допущенные партией многочисленные ошибки объективного и субъективного характера и проявленные слабости в ее деятельности. Среди принципиальных ошибок он выделил принятие партией на вооружение «определенной идеологии» и, главное, отказ партийного руководства в момент прихода к власти от союза и сотрудничества с влиятельными общественно-политическими силами внутри страны и установление жесткой монополии НДПА на власть [101].

Наджибулла решительно отказался признавать революцией вооруженное восстание армейских частей 27 апреля 1978 г. Хотя за год до съезда он говорил совершенно противоположное, а именно: «Какой только ерунды не пишут о нашей революции: что она и незаконна и что ее вообще не было. Но что такое революция? Это – борьба за право на прогресс общества, против нищеты, угнетения, порабощения» [102].

Кроме того, в докладе Наджибуллы, не без влияния Постановления Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., также ошибочным было названо решение бывшего партийно-государственного руководства СССР о вводе войск в Афганистан. Данная советская акция, как он заявил, «не отвечала национальным интересам Афганистана». Впрочем, критика советского аспекта в истории Афганистана 70–80-х годов появилась в высказываниях Наджибуллы сразу же после вывода советских войск из страны и значительного сокращения, а в некоторых афганских ведомствах и полной ликвидации советского советнического аппарата. В этой связи весьма показательным было мнение Наджибуллы, высказанное им в апреле 1989 г. в интервью специальному корреспонденту газеты «Правда» В. Снегиреву. «Случалось, – сказал Наджибулла, – что они (советские советники. – М.С.) брали на себя и исполнение того, что следовало бы делать самим афганцам. Разумеется, в таком большом деле не обошлось и без ошибок. Уровень компетентности советников также не всегда отвечал требованиям обстановки». Позже, когда горбачевско-ельцинское руководство начало прибегать, к актам прямого предательства своего вчерашнего афганского друга, Наджибулла стал все решительнее отмежевываться от прокоммунистического прошлого афганских левых. В январе 1992 г. он в порыве негодования назвал советские войска, помогавшие афганскому режиму выстоять в борьбе против оппозиции, «враждебными» [103].

За всем этим открещиванием от прежней партийной идеологии и практики, отказом признать революцией афганские события 1978 г., осуждением ввода советских войск в Афганистан и критикой советского советнического аппарата стояли сугубо конъюнктурные политические расчеты, нацеленные на то, чтобы придать создаваемой партии (Партии Отечества) национально–патриотический и исламский имидж и сделать ее таким образом более привлекательной для широких слоев населения, а также, сняв с нее былую «красную печать коммунизма», расчистить поле для диалога и компромиссов с оппозицией и ее иностранными покровителями. Новая партия, по замыслам ее устроителей, надеялась, разделив власть с оппозицией и добившись умиротворения страны, занять достойную для себя нишу в будущих демократических институтах Афганистана.

Наджибулла, выступая на съезде, снова подтвердил приверженность новой партии политике национального примирения, призванной обеспечить согласие всех сил, завязанных в афганском конфликте, по вопросам создания коалиционного правительства и других государственных демократических институтов на основе свободного волеизъявления афганского народа.

2-й съезд партии избрал новые, значительно обновленные и количественно расширенные высшие руководящие партийные органы – Центральный совет партии в составе 145 членов и 60 кандидатов в члены и его исполнительное бюро (13 членов и 2 кандидата в члены). Председателем Партии Отечества стал Наджибулла. В состав исполнительного бюро, кроме Наджибуллы, вошли: С. Лайек (заместитель председателя партии), Ф.А. Маздак (заместитель председателя партии), Н. Кавьяни (заместитель председателя партии), инженер Назар Мухаммад (заместитель председателя партии), члены – Р.М. Пактин, С.А. Кештманд, А. Вакиль, Г.Ф. Якуби, М.А. Ватанджар, М. Рафи, М. Барьялай, Н.А. Нур, и кандидаты в члены бюро – А. Пайгир и А.К. Горбанди [104]. Таким образом, в составе исполнительного бюро партии соотношение сил с учетом бывшей фракционной принадлежности составило 11 : 4 в пользу Парчам. Так была закрыта последняя страница в истории НДПА и на ее смену приведена деидеологизированная Партия Отечества.

Летом 1990 г. в пользу политического урегулирования афганской проблемы высказались видные деятели афганской политической эмиграции, в которую входили бывшие дипломаты и члены правительства, сторонники экс-короля Захир-шаха, представители интеллигенции, проживавшие в США, Западной Европе, Саудовской Аравии и других странах. Они сформировали «комитет шести» во главе с бывшим премьер-министром королевского правительства Мухаммадом Юсуфом для выработки приемлемого для всех плана афганского урегулирования. При этом М. Юсуф исходил из того, что политическое урегулирование в Афганистане может состояться только без Наджибуллы, который должен безоговорочно передать всю власть переходному правительству. Эта идея, однако, не нашла поддержки у афганской вооруженной оппозиции, посчитавшей, что «люди, которые не внесли достойного вклада в джихад, не имеют права принимать участия в решении афганской проблемы» [105].

Между тем кабульский режим, продолжая действовать по инерции в рамках провозглашенной им политики национального примирения и ограничиваясь на поле брани преимущественно ответными ударами по весьма активным силам мятежников, делал оппозиции одну уступку за другой. В конце июля 1990 г. Наджибулла выступил за созыв мирной конференции с целью сформирования совместного координационного совета, в который бы вошли все стороны, вовлеченные в афганский конфликт. Отвергнув ультимативное требование «альянса семи» и афганской политэмиграции безоговорочно отказаться от власти, он указал, что это приведет лишь к «кровавой бане». «Мы готовы, – заявил он, – отказаться от монополии на власть, поделиться ею, но не готовы пожертвовать властью в пользу анархии и хаоса». Одновременно афганский лидер заявил о своем согласии в случае проведения в Афганистане свободных всеобщих выборов передать часть функций министерств обороны и внутренних дел избирательной комиссии, в состав которой могли бы войти как представители его правительства, так и оппозиции. «Альянс семи», как и прежде, отверг и эти мирные инициативы Кабула, подчеркнув, что оппозиция выступает против любого плана урегулирования афганской проблемы, который предусматривает участие в нем НДПА, пусть даже изменившей название [106]. Если быть до конца объективным, то иного ответа от вооруженной оппозиции нельзя было ожидать. Владея неизменно со времен пребывания в Афганистане советских войск инициативой на фронтах борьбы с кабульским режимом и имея к тому же за спиной всесильных иностранных покровителей и доноров, лидеры оппозиции были полностью уверены в достижении военной победы над ненавистным им противником.

Несмотря на непримиримость оппозиции в вопросах политического урегулирования, афганское центральное правительство все еще не оставляло попыток мирно разрешить

внутренний конфликт в стране. Развивая и уточняя ранее выдвинутые мирные инициативы, Наджибулла в конце августа 1990 г. призвал противоборствующие стороны создать совместную комиссию, которая бы провела работу по подготовке нового закона о выборах, новой конституции Афганистана для последующего их утверждения на Лоя джирге. Предлагалось, что для обеспечения безопасности работы этой комиссии ей могут быть переданы вооруженные отряды афганской армии и оппозиции. Вместе с тем Кабул и на этот раз настаивал на том, что до сформирования нового правительства, избранного парламентом, во избежания анархии государственные структуры в Афганистане остаются прежними [107].

Еще одним шагом Кабула в поисках мирного разрешения афганского кризиса явилась поездка президента РА Наджибуллы в Швейцарию в ноябре 1990 г. для встречи с представителями контактной группы, учрежденной ООН. Цель данной встречи состояла в том, чтобы обеспечить достижение договоренностей между конфликтующими сторонами относительно проведения в стране демократических выборов и создания правительства на широкой основе. В ходе состоявшихся контактов Наджибулла имел беседы с представителями афганской оппозиции, в том числе и со сторонниками экс-короля Афганистана Захир-шаха. Однако, к сожалению, и этот визит президента РА не стал прологом к началу межафганского диалога.

После возвращения из Швейцарии Наджибулла обратился непосредственно к лидерам вооруженной оппозиции с предложением передать существенную долю контроля над афганскими вооруженными силами и министерством внутренних дел комиссии, состоящей из представителей всех групп оппозиции. Кроме того, он выразил готовность к созданию нейтральной комиссии для контроля над переходным периодом и проведением свободных выборов в Афганистане под наблюдением ООН.

Итоги реализации ПНП в 1990 г. были для кабульского режима обескураживающими. Все его попытки склонить оппозицию к диалогу не увенчались успехом. Более того, отказ афганских властей от активного военного давления на мятежников привел к тому, что центр почти полностью утратил контроль над ситуацией в стране и стал скорее напоминать осажденную со всех сторон крепость. Но только этим трагизм его положения не ограничивался. По мере того, как официальный Кабул безоглядно шел от одной уступки оппозиции к другой и все больше ставил под угрозу само существование режима, в рядах партийно-государственной элиты в центре и на местах углублялись растерянность и неуверенность в завтрашнем дне. В этих условиях часть указанной элиты, забывая о своей ответственности за судьбу родины и режима, начала рьяно искать различные варианты выживания для себя и своих семей на случай, если к власти в стране придут моджахеды. Выражалось это в различных формах: в расширении в невиданных ранее размерах коррупции, казнокрадства и мздоимства; открытии валютных счетов в иностранных банках; отправке их близких и родственников в другие страны с целью подготовки «плацдарма» для бегства; передаче мятежникам государственных секретов и разведданных; тайном вступлении в ряды антиправительственных группировок и получении их членских билетов; финансировании оппозиционных партий и организаций и их главарей; содействии им в невоспрепятствовании деятельности вражеского подполья и т.п. Если к этому добавить еще и усиление среди партийно-государственного аппарата в центре и на местах межнациональных, племенных, клановых, религиозных, фракционных и других противоречий, то становится понятным, почему правящий режим оказался неспособным эффективно претворять в жизнь политику национального примирения и защищать себя.

Что касается вооруженной оппозиции, то и она почти за два года противоборства с «коммунистами» (после вывода советских войск из страны) не смогла добиться решительных побед ни под Джалалабадом, Кандагаром, Гардезом, Гератом, ни в других местах. Не помогли ей и пакистанские регулярные части и малиши, иностранные наемники и щедрая военная и финансовая помощь со стороны США, стран Запада и консерватив-

ных исламских режимов региона. Вместе с тем измотать, обескровить и морально–психологически разложить кабульский режим ей все же удалось.

С началом 1991 г. Республика Афганистан подверглась еще более мощным ударам оппозиции. В них участвовали, кроме сил мятежников, части пакистанской регулярной армии, пуштунские племенные ополченческие отряды (малиши), собранные по обе стороны афгано-пакистанской границы, и иностранные, прежде всего арабские, наемники. Удары, как и раньше, наносились по крупным административным центрам Афганистана. Первым среди них был избран г. Хост (административный центр одноименного округа с населением 2 тысячи человек), расположенный в нескольких десятках километров от границы с Пакистаном. В конце марта, после упорных 18–дневных боев оппозиции, поддержанной огнем дальнобойной артиллерии с пакистанской территории, удалось сломить сопротивление десятитысячного гарнизона Хоста и захватить его. Многие защитники города погибли. Было пленено до 2500 солдат и офицеров правительственной армии. Число раненых защитников города достигло 600 человек. Овладев Хостом, моджахеды устроили в нем кровавую резню, убивая не только раненых и пленных, но и мирных жителей. Потери оппозиционеров составили не менее 1000 человек. По сообщениям печати, в руки нападавших попали значительные трофеи, в том числе восемь танков Т–64, 11 самолетов и вертолетов, большое количество артиллерийских орудий и другого вооружения [108].

Падение Хоста имело для обеих противоборствующих сторон огромное военное, политическое и морально–психологическое значение. Афганская вооруженная оппозиция, окрыленная этой победой, еще больше уверовала в свои силы свергнуть правительство Наджибуллы. Ликовали и ее иноземные покровители. В их числе была и влиятельная пакистанская организация ортодоксальных богословов «Джамиат-уль-улема-и ислам». Она потребовала от правительства Пакистана незамедлительно признать «временное переходное правительство» моджахедов. Что касается кабульского режима, то утрата Хоста оказала деморализующее воздействие на правительственные войска, правящую партию и лояльные режиму общественно–политические организации и во многом предопределила неблагоприятный для Кабула ход весенне-летней кампании 1991 г. Оппозиция развернула боевые операции практически по всей стране. Основными объектами для ударов стали города Кабул, Гардез, Джалалабад, Газни, Кандагар, Герат и север страны. Противостояние между вооруженной оппозицией и властями Республики Афганистан вступило в завершающую стадию.

Начиная с лета 1991 г. на дальнейшее ухудшение военно-политического положения республики повлияли драматические события, разыгравшиеся в Советском Союзе. После провозглашения суверенитета России и августовского путча в Москве существенные подвижки произошли в советской политике на афганском направлении. Причем самым опасным для правительства Наджибуллы явилось давно вынашиваемое намерение горбачевского руководства прекратить военные поставки Кабулу. Еще дальше пошли новоявленные правители России во главе с Б.Н. Ельциным. Придя к власти, они сразу же прекратили оказание экономической помощи Афганистану, [109] а чуть позже, надменно оспаривая у руководства СССР во главе с М.С. Горбачевым верховное право на власть в РСФСР, начали отрекаться от советской политики в отношении левого кабульского режима и демонстрировать свою поддержку моджахедам.

Как уже отмечалось выше, в процессе переговоров по афганскому урегулированию не раз выдвигалось предложение об одновременном прекращении поставок оружия воюющим сторонам в Афганистане. Окончательное решение по этому вопросу было принято 13 сентября 1991 года по завершении в Москве переговоров министра иностранных дел СССР Б. Панкина с госсекретарем США Дж. Бейкером. Согласно подписанному советско-американскому соглашению по Афганистану, стороны согласились прекратить с 1 января 1992 г. военные поставки всем противоборствующим в этой стране сторонам, чтобы содействовать процессу прекращения военных действий [110]. Нужно отметить, что президент Наджибулла на всех этапах обсуждения данного вопроса не-

изменно выступал в его поддержку. Вместе с тем, как уже говорилось выше, он резонно считал его недостаточным, поскольку в случае его реализации у оппозиции оставались еще и другие источники получения вооружения и боеприпасов. Кабул же лишался единственного канала военных поставок – советского. В связи с этим Наджибулла неоднократно в предшествовавшие годы предлагал прекращение поставок оружия противоборствующим сторонам в Афганистане увязывать с общим процессом афганского урегулирования.

Вина за то, что кабульский режим был поставлен в неравноправное положение с оппозицией в вопросах военных поставок, как, впрочем, и в других вопросах, лежит, безусловно, на советской (горбачевской) правящей верхушке. Она с осени 1991 г., захлестнутая внутренними центробежными процессами и находясь в путах ею же выдвинутой внешней политики, нацеленной, вопреки национальным интересам, на безоглядное сближение с Западом, шаг за шагом стала лишать правительство Наджибуллы военной, экономической и морально-политической поддержки и помощи. К примеру, в октябре советское руководство не стало больше настаивать на том, чтобы президент Наджибулла входил в переходное правительство на период до проведения всеобщих выборов в стране; в ноябре из Афганистана были отозваны советские советники при министерствах обороны, внутренних дел и госбезопасности; а в середине декабря, то есть за две недели до оговоренного с США срока, были прекращены поставки Кабулу оружия и боеприпасов по воздуху. Отношение в Москве к кабульскому режиму изменилось коренным образом с развалом СССР. Глава внешнеполитического ведомства России того времени А.Козырев, проявляя полное незнание ситуации в Афганистане, назвал афганское руководство во главе с Наджибуллой «экстремистским», который-де является главным препятствием к мирному урегулированию афганской проблемы [111].

После вступления в силу упомянутого выше советско-американского соглашения по Афганистану, подтвердились самые худшие предположения. В Афганистан из Пакистана сплошным потоком двинулись целые эшелоны с боевой техникой и боеприпасами, в том числе танками, артиллерийскими и ракетными системами и стрелковым оружием советского производства, захваченными в качестве трофеев у Ирака в ходе войны в Заливе. По данным афганской разведки, только через пограничный пункт Торхам в район под Джалалабадом в сутки проходило до 200–250 автомашин с оружием и боеприпасами. При этом главным поставщиком вооружения афганской оппозиции выступала Саудовская Аравия. Что касается афганской правительственной армии, то имевшиеся у нее боеприпасы стремительно иссякали и к концу января 1992 г. их оставалось всего на каких-то 5–6 месяцев [112]. Катастрофически не хватало топлива для боевой техники и автотранспорта. Положение в Республике Афганистан еще больше ухудшилось, когда российское ельцинское руководство отказало ей в предоставлении гуманитарной, прежде всего продовольственной, помощи. Одновременно были прекращены поставки продовольствия в Афганистан и из бывших среднеазиатских республик СССР. Страна оказалась перед угрозой массового голода. Следует заметить, что в такой драматической ситуации лишь Индия, верная прежнему курсу поддержки афганской революции, не осталась безучастной к судьбе левого кабульского режима и афганского народа. Она заявила о своей готовности поставить Кабулу продовольствие и другую гуманитарную помощь. Правда, ей пришлось доставлять все эти грузы кружным путем, через Одессу, так как прямой и кратчайший путь в Афганистан через территорию Пакистана был закрыт для индийских товаров.

Лишившись советской (а затем и российской) военной, экономической, гуманитарной и морально-политической поддержки и помощи и оставшись один на один со своими врагами, режим Наджибуллы оказался обреченным. Его крушение с начала 1992 г. приняло стремительный, валообразный характер. Деморализованные властные структуры и общественно-политические институты режима перестали функционировать. Устрашающие размеры приняло дезертирство из правительственной армии. Ее военачальники тайно и явно начали устанавливать контакты с вооруженной оппозицией и перехо-

дить на ее сторону. Одним из первых из подчинения центру вышел обширный, населенный национальными меньшинствами север страны, где власть перешла в руки «Совета объединенного командования северных провинций Афганистана», в который вошли представители вооруженных формирований нацменьшинств и оппозиционных, в основном левых, партий и организаций. Нельзя не сказать, что обострение военно–политической обстановки на севере страны было спровоцировано самим Наджибуллой, когда он попытался заменить здесь неугодного генерала-таджика на генерала-пуштуна. Из–под контроля Кабула вышел и центр страны, где власть перешла в руки оппозиционных группировок хазарейцев-шиитов. Чуть позже, в начале апреля, моджахеды вошли в Герат и установили там свою власть во главе с полевым командиром Исмаил-ханом. Следует заметить, что переход указанных и других городов и провинций на сторону оппозиции происходил при участии офицеров бывшей правительственной армии.

Президент Наджибулла, осознавая трагизм ситуации, еще в середине марта 1992 г. заявил о готовности уйти со своего поста и передать власть переходному правительству. Примерно месяц спустя, когда отряды А.Ш. Масуда и Г. Хекматьяра захватили г. Чарикар и расположенную рядом с ним крупнейшую авиабазу Баграм со всем самолетным и вертолетным парком, Наджибулла объявил о своей отставке с поста президента, что, по существу, означало конец его правления. Одновременно, чтобы поставить заслон отрядам экстремиста Г. Хекматьяра и его попыткам первым войти в Кабул, Наджибулла перебросил военно-транспортными самолетами из Мазари-Шарифа в столицу части 53-й узбекской дивизии генерала А.Р. Дустома. Как позже оказалось – на свою беду. Когда через несколько дней он (Наджибулла) попытался покинуть страну на зафрактованном ООН самолете, именно ополченцы А.Р. Дустома помешали ему это сделать. Президент вместе со своим братом Ахмадзаем, начальником его канцелярии Тухи и начальником личной охраны Джафсаром укрылись в кабульской миссии ООН. Власть в столице перешла в руки совета в составе четырех вице-президентов РА и ряда высших военных и гражданских лиц. Чуть позже временным президентом страны был объявлен А.Р. Хатеф. Все они оставались на своих постах лишь считанные дни.

25 апреля в Кабул без боя вошли отряды А.Ш. Масуда и заняли президентский дворец, здания радио и телевидения и большинства министерств. Первый заместитель министра обороны бывшего правительства РА Н. Азими обратился с призывом ко всем военнослужащим афганской армии подчиняться приказам А.Ш. Масуда. Кроме того, по афганскому телевидению было зачитано заявление «Исламского правительства Афганистана», в котором А.Ш. Масуд назначался министром обороны и ответственным за безопасность столицы. Двинули своих боевиков в Кабул и другие группировки моджахедов. Вскоре город оказался поделенным на 12 секторов. Население Кабула, чувствуя сердцем и разумом надвигающуюся новую беду, встретило моджахедов без особого энтузиазма. Уже с утра 26 апреля между ними начались кровавые разборки с применением всех видов оружия. Особым ожесточением отличались столкновения между отрядами А.Ш. Масуда и Г. Хекматъяра в районах президентского дворца и крепости Бала-Хисар (на южной окраине Кабула). В этот день из-за угрозы быть сбитым не рискнул прибыть в столицу по воздуху назначенный Советом джихада временный президент Исламского Государства Афганистан С. Моджаддеди. Ему пришлось добираться из Пешавара в Кабул автотранспортом в сопровождении пакистанской полиции и полевой жандармерии. 28 апреля в здании министерства иностранных дел прошла церемония «мирной передачи власти» в руки моджахедов, на которой присутствовали видные представители прежнего режима: премьер-министр Ф.Х. Халекьяр, министр иностранных дел А. Вакиль, генералы Н. Азими, М.А. Делавар, Н.Х. Олуми и др.

Примечательно, что на следующий день после указанной церемонии в афганскую столицу прилетел премьер-министр Пакистана Наваз Шариф, который вручил новому правительству Афганистана чек на сумму 20 млн. долларов и обещал предоставить ему значительную гуманитарную помощь. Вместе с Н. Шарифом в Кабул прибыл и шеф секретной службы Саудовской Аравии принц Турки ибн Фейсал, брат короля Фахда. Он

объявил об официальном признании нового государства – Исламского Государства Афганистан.

Представляется весьма показательным, что ельцинская «демократическая» Россия, отказавшая в свое время в гуманитарной помощи режиму Наджибуллы, поспешила уже через несколько дней после прихода к власти в Афганистане исламских экстремистов оказать им помощь в поставках 80 тонн муки и большой партии медикаментов. Груз был незамедлительно доставлен в афганскую столицу пятью транспортными самолетами. 13 мая с двухдневным визитом в Кабул прибыл министр иностранных дел РФ А. Козырев, который в дополнение к ранее доставленному в Кабул гуманитарному грузу привез для моджахедов еще и мешки с новыми афганскими банкнотами, отпечатанными в России. Заслуживает упоминания и еще один аморальный факт в деяниях российских «демократов». Он касался судьбы бывших афганских лидеров Б. Кармаля, Ф.А. Маздака и Н. Кавьяни. Им, оказавшимся в Хайратоне, на границе с Узбекистаном, Россия длительное время не давала разрешения на въезд в СНГ, ставя таким образом их жизнь под угрозу. Хотя полевой командир А.Ш. Масуд был более великодушным: он не препятствовал их выезду из страны, считая их свободными людьми [113].

Свержение правительства Наджибуллы и приход к власти моджахедов не принес мира и безопасности на афганскую землю. Гражданская война в стране, перейдя из сферы идейно-политического противоборства в русло межэтнических, межплеменных, религиозных и клановых разборок, приобрела еще более ожесточенный и кровопролитный, чем прежде, характер. Единое афганское государство перестало существовать. Такое развитие событий, кстати, предвидел Наджибулла, который в одном из последних на посту президента интервью газете «Нью-Йорк таймс» говорил: «Если фундаментализм возобладает в Афганистане, то война будет продолжаться долгие годы, а страна превратится в центр мировой контрабанды наркотиков и терроризма» [114]. Его слова оказались пророческими.

Подводя итог сказанному в данном разделе, следует отметить, что политика национального примирения со всей совокупностью в ее рамках мер была призвана принести мир и безопасность на афганскую землю и обеспечить после окончания гражданской войны развитие этой страны по демократическому пути. Хотя Наджибулла и не являлся автором ПНП в Афганистане, однако практическая реализация ее установок легла в основном на его плечи и стала главным звеном и всем смыслом его политической карьеры как президента и его трагической судьбой. ПНП в Афганистане явилась, по своей сути, исключительно важным историческим экспериментом по решению острого внутригосударственного конфликта. Независимо от его, в данном случае неудачного, исхода, этот эксперимент показал одно из возможных вариантов мирного, политического урегулирования общенациональных катаклизмов подобного рода и сопутствующие ему ошибки и просчеты.

Национальное примирение в Афганистане на условиях, предложенных Кабулом, к сожалению, не состоялось. Оно было категорически отвергнуто вооруженной оппозицией и поддерживавшими ее иноземными союзниками и покровителями. Определенная доля вины за провал ПНП лежит и на правящей партии – НДПА, которая не выдержала испытаний на прочность из-за своих объективных и субъективных слабостей и ошибок, допущенных ею в руководстве страной и вооруженной борьбой. Левый кабульский режим, как и раньше советские войска, дислоцированные в Афганистане, не сумел продемонстрировать свое подавляющее военное превосходство над вооруженной оппозицией на поле боя, что только и только могло заставить «непримиримых» сесть за стол переговоров и обеспечить тем самым необходимые предпосылки для успеха курса на национальное примирение. Более того, неоднократное прекращение огня и постоянный отказ от активных наступательных действий правительственных войск против вооруженной оппозиции позволили последней взять полностью в свои руки инициативу в гражданской войне и навязать свою волю Кабулу.

Свою роль в провале ПНП и в крушении правительства Наджибуллы сыграла непоследовательная, а порой и предательская, политика советского и российского руководства на афганском направлении. На совести горбачевско-ельцинской верхушки, как, впрочем, и на совести правящих кругов стран Запада и консервативных режимов региона, выпестовавших и вооруживших афганскую оппозицию, безусловно, лежит приход к

власти в Афганистане религиозных экстремистов, которые превратили страну в центр и рассадник международного терроризма и поставили под угрозу мир и безопасность не только центральноазиатского и средневосточного регионов, но, как стало окончательно очевидным после трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, и всего мирового сообщества.

Примечания

1. Источники: Кто есть кто в мировой политике/ Редкол.: Кравченко Л.П. (отв. ред.) и др. – М.: Политиздат, 1990. – С. 307–308; Ды Афганестан каланый. – Кабул, 1358 (1979). – На языке дари и пушту. – С.3; Справочник активиста НДПА: вопросы и ответы. – Кабул, 1982. – На языке дари (рахнама-йе фаалин-е хезб…). – С.3 и 5; Новое время. – 1992. – №17; Kabul New Times. – 1986, May 5; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 5 мая; Парчам. – 1969, 13 и 20 октября; 1970, 12, 19 и 26 января, 2 февраля; Пейам. – 1990, 30 июня; Известия. – 1996, 28 сентября и 1 октября; Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998, – С.57, 115–116; Arnold A. Afghanistan's Two–Party Communism: Parcham and Khalq. – Stanford, California: Hoover Institution Press. 1983. – P.182; Afghanistan Today. – 1986, May–August. – № 3(5). – P.2; Loya jirgah (Grand Assembly). Documents. – Kabul: Afghanistan Today Publishers. – 1987, November. – P. I, II.
2. Кармаль Б. Краткое изложение выступления на 16–м пленуме ЦК НДПА. 30 акраба 1364 г. (21 ноября 1985 г.). – Кабул, 1985. – С. 14–16. – На языке дари (фешорде-йе байание). В этом выступлении Б.Кармаль впервые употребил слова «национальное согласие», «примирение и компромиссы». Sixteenth Plenum of PDPA CC Babrak Karmal`s Speech. Resolution. – Kabul, November 1985. – P. 3–16; Ten Point Theses of Babrak Karmal, General Secretary of PDPA CC and President of DRA RC on National and its Undelayable Tasks under the Present Conditions. Dated Nov. 9. 1985. – Kabul: Government Printing Press, Nov. 1985. – P. 7–23; ibid. Declaration of DRA RC on Ten Point Theses of B. Karmal, General Secretary of PDPA CC and President of DRA RC. Dated Nov. 14, 1985. – P. 25–43; Kabul New Times. – 1986, May 5, July 14.
3. Правда. – 1986, 14 и 16 мая; Красная звезда. – 1986, 16 и 22 мая.
4. Планета за неделю: Институт общественных наук ЦК НДПА. – Кабул, 4 ноября 1986. – № 58. – С.11–12.
5. Выступление товарища Наджиба на 19-м пленуме ЦК НДПА. – Кабул: Партийная типография, саратан 1365 (июль 1986). – С.7. – На языке дари.
6. Там же, с. 9–10.
7. Там же, с. 39.
8. Постановление 19-го пленума ЦК НДПА «О неотложных задачах партии и государственной власти» // Выступление товарища Наджиба на 19-м пленуме ЦК НДПА. – С.53–54. – На языке дари; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 12 июля. Далее ссылки даются на указанные издания.

   С предложением о создании Всеафганской комиссии по национальному примирению выступил Высший совет улкмов и духовенства Афганистана. Наджибулла в своем докладе на пленуме сообщил, что политбюро ЦК НДПА и РС ДРА, рассмотрев это предложение, приняли решение создать такого рода комиссию в рамках Национального отечественного фронта ДРА. Однако само постановление «О-создании Чрезвычайной комиссии по национальному примирению» было опубликовано лишь в сентябре 1986 г. – См.: Хакикат-е энкелаб–е саур. – 1986, 28 сентября; Kabul New Times. – 1986. July 14.
9. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 12 июля; Kabul New Times. – 1986. July 12. Биографические справки об указанных лицах см.: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки-Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь: Симфероп. гос. университет, 1999. – С. 291–293: Ежов Г.П. Афганистан. Краткий биографический справочник. – М.: Изд–во «Ключ С», 2002. – С. 19, 237–238, 270–271, 286–287, 328–329.
10. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1986, 11 сентября; Правда. – 1986, 1 ноября.
11. См. об этом: Выступление председателя Совета министров ДРА С.А.Кештманда на научно–практической конференции, состоявшейся в Кабуле в октябре 1986 г. // Планета за неделю. – 1986, 24 ноября. – № 60. – С.13, 18–20.
12. Там же, с. 5, 18–19; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января.
13. Вступительное слово генерального секретаря ЦК НДПА Наджиба на научно–практической конференции в октябре 1986 г // Планета за неделю. – 1986, 24 ноября. – № 60, – С. 5–6.
14. Письмо Б.Кармаля в адрес ЦК НДПА и РС ДРА (на языке дари) // Kabul New Times. – 1986, November 22. – P. 2.
15. CC 20th plenum accepts Babrak Karmal`s request for relief from party, state posts // Kabul New Times. – 1986, November 22.
16. Kabul New Times. – 1986, December 6.
17. Ibid.
18. Краткое изложение доклада генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба на Чрезвычайном пленуме ЦК НДПА «О задачах партии в связи с осуществлением политики национального примирения». 30 декабря 1986 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января. – На языке дари; Kabul New Times. – 1987, January 3,5: Comrade Najib`s Speech at Extraordinary Plenum of PDPA CC. – Kabul: State Printing House, 1987. – P. 5.
19. В работе первой секции (руководитель – генсек ЦК НДПА Наджиб) приняли участие партийные активисты вооруженных сил, обсуждавшие вопросы о месте и роли военного фактора в процессе реализации политики национального примирения; во второй (руководитель – член политбюро ЦК НДПА С.А. Кештманд) обсуждались вопросы, связанные с деятельностью партии в новых условиях среди рабочих, ремесленников и торговцев; в третьей (руководитель – член политбюро ЦК НДПА С.М.Зерай) рассматривалась работа партии среди крестьян; в четвертой (руководители – член политбюро ЦК НДПА Н.А.Нур и секретарь ЦК Хайдар Масуд) в центре внимания были вопросы идейно–воспитательной работы; и в пятой секции (руководители – кандидат в члены политбюро ЦК НДПА, секретарь ЦК Махмуд Барьялай и секретарь ЦК Наджмуддин Кавьяни) предметом дискуссии стали вопросы работы с кадрами государственных учреждений и общественных организаций ДРА. – См.:

Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 1 января.
20. Краткое изложение доклада генерального секретаря ЦК НДПА тов. Наджиба на Чрезвычайном пленуме ЦК НДПА. Здесь и далее ссылки даются на данный документ.
21. Kabul New Times. – 1987, January 1.
22. О национальном примирении. Документы, цифры и факты. – Кабул: Б. и., дальв 1366 (февраль I988). – С. 7–13. – На языке дари (дар барайе мосалеха-йе мелли). Здесь и далее ссылки даются на этот документ. См. также: Исторические документы о национальном примирении. – Кабул: Партийная типография, джади 1365 (январь 1987). – С.1–12. – На языке дари (аснад-е тарихи дар барайе мосалеха-йе мелли).
23. См. о нем: Сликкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. – С. 307–309.
24. Исторические документы о национальном примирении. – С. 75–97.
25. Там же, с. 9–13.
26. Там же, с. 13: Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 января; Kabul New Times. – 1987, January 4, 5, 14.
27. Kabul New Times. – 1987, January 6, 14.
28. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 января; Kabul New Times. – 1987, January 17.
29. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 17 января.
30. Там же.
31. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 15 и 17 января; Kabul New Times. – 1987, January 15. Здесь и далее ссылки даются на данное «Обращение».
32. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января.
33. National Reconciliation in Practice. – Kabul: Afghanistan Today Publishers, Nov. 1987. – P. 84–85.
34. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января.
35. См. об этом: Приложение 2 настоящей книги.
36. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 января, 9 февраля, 16 марта; Радио Афганистана. – 1987, 22 января.
37. Интервью Хан Зия-хана Насери газете «Афган Ньюз» // Afghan News (New–York). – 1987, January 15.
38. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 12 января, 7 февраля; Хивад. – 1987, 11 февраля; Kabul New Times. – 1987, February 11. О М.Х.Шарке см.: Слинкин М.Ф. Народно–демократическая партия Афганистана у власти. – С. 317–318.
39. Kabul New Times. – 1987, February 26.
40. Голос исламской революция Афганистана (на языке дари).– 1987, 27 марта.
41. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 мая.
42. Доклад на пленуме ЦК НДПА (сокращенный вариант). 21 джауза 1366 г.х. (10 июня 1987 г.) // Наджибулла. Афганистан на пути примирения. – Кабул: Государственный комитет по печати и издательству, 1988. – С. 48. – На языке дари (Афганестан дар рах–е мосалеха); Report to the Plenum of the PDPA Central Committee (abridged). June 10, 1987 // Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation – Kabul: Government Committee of Press and Publication, 1988. – P. 41; Comrade Najib`s Speech at the Plenum of PDPA CC. Jawza 1366 (June 1987). – Kabul: Afghanistan Today Publishers, June 1987. – P.1. Здесь и далее ссылки даются на указанные издания.
43. См. об этом же: Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 16 июля.
44. Kabul New Times. – 1987, June 13.
45. Хивад. – 1987, 8 июля.
46. Наджибулла. Обращение к противоположной стороне (выступление по телевидению 23 саратана 1366 г.х.). – Кабул: Государственный комитет по печати и издательству, 1367 (1988). – С. 78–92. – На языке дари (пейам бе джанеб-е мокабел); Планета за неделю. – 1987. – № 92. – С. 7–22: Najibullah. Afghanistan: Taking the Path of Reconciliation. – P. 68–79;
47. Хивад. – 1987, 15 июля.
48. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 2 августа.
49. Хивад. – 1987, 27 августа; Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. 18–20 октября 1987 г. – Кабул: Типография газеты «Гвардейская доблесть», 1987, – С. 9, 39.
50. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 10.
51. Там же, с.22–23; Резолюция 2-й Общепартийной конференции «О неотложных задачах укрепления единства НДПА в условиях борьбы за национальное примирение» // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 22 октября.
52. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 19 сентября.
53. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 17–18. М. Барьялай не смог принять участие в работе указанной конференции в связи с его исключением из членов ЦК партии, хотя он и был избран ее делегатом от провинции Газни. – См. об этом: Радио Афганистана, – 1987, 26 августа.
54. Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. – С. 10.
55. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1987, 28 ноября.
56. Официальное сообщение о визите Э.А.Шеварднадзе в Республику Афганистан // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 7 января.
57. Парчам. – 1968, – №5. – С. 3.
58. Наджибулла. Речь на заседании Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. 16 января 1988 г.// Хакикат-е эккелаб-е саур. – 1988, 17 января; О национальном примирении. – С. 56–82; Информационное сообщение о пленуме ЦК НДПА // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 30 января; Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 27 марта.
59. Стенограмма выступления Наджибуллы перед представителями улемов и духовенства. 28 февраля 1988 г. (из личного архива. – М.С.); Хакикат-е энкелаб-е саур, – 1988, 12 марта; Радио Афганистана. – 1988, 13 марта; Kabul Times. – 1988, October 20.
60. Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 27 января.

61. Наджибулла. Речь на заседании Высшей чрезвычайной комиссии по национальному примирению. 16 января 1988 г.
62. Информация ТАСС. – 1988, 24 февраля; Афганистан: пути национального примирения. – 1988, 3 марта. – № 7. – С.25–27; 1988, 17 марта. – № 8. – С.37–39.
63. Речь Наджибуллы об итогах выборов в Национальный совет Республики Афганистан // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 23 апреля; Выступление Наджибуллы на третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Июнь 1988 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 9 июня; Kabul Times. – 1988, April 24.
64. Радио Афганистана. – 1988, 5 июня; Правда. – 1988, 1 июня.
65. Правительство М.Х.Шарка получило вотум доверия Вулуси джирги в начале июня 1988 г. // Хакикат-е энкелаб-е саур. – 1988, 8 июня.
66. Правда.– 1988, 10 и 11 июня, 24 августа; Известия. – 1988, 27 сентября.
67. Правда. – 1988, 27 июня, 23 июля, 23 августа, 25 и 30 сентября, 3, 12, 25 и 29 декабря; Speech Delivered by Comrade Najibullah at PDPA CC Oct. Plenum. – Kabul: Alberuni Publishing House, 1988. – P. 10.
68. Правда. – 1988, 26 и 30 сентября.
69. Правда. – 1988, 25 июля.
70. President Najibullah Address to Parliament // Kabul Times. – 1988, August 28.
71. Известия. – 1988, 31 октября, 11 ноября.
72. Правда. – 1988, 25 августа.
73. Известия. – 1988, 11 ноября; President Najibullah Remarks to BBC // Kabul Times. – 1988, November 6.
74. Известия. – 1988, 1 января.
75. Известия. – 1988, 30 ноября, 4 декабря; 1989, 27 февраля.
76. Правда. – 1988, 8 декабря; 1989, 5 января.
77. Обращение Наджибуллы к афганскому народу // Правда. – 1989, 1 января; Kabul Times. – 1988, December 31.
78. Известия. – 1989, 9 февраля.
79. Известия. – 1989, 13 февраля; Kabul Times. – 1989, January 15
80. Известия. – 1989, 18 февраля.
81. Известия. – 1989, 25 февраля.
82. Выступление президента Наджибуллы на митинге в Кабуле // Красная звезда. – 1989, 7 февраля; Известия. – 1989, 9 февраля.
83. Указ президента Республики Афганистан об объявлении чрезвычайного положения в стране // Пейам. – 1989, 19 февраля; Выступление президента РА Наджибуллы по национальному телевидению 19 февраля 1989 г. // Известия. – 1989, 21 февраля; Известия. – 1989, 20, 22, 24, 26 февраля, 26 июня.
84. Красная звезда. – 1989, 7 февраля.
85. Правда. – 1989, 20 и 30 апреля, 5 мая.
86. Известия. – 1989, 13 марта, 19 апреля, 6 мая.
87. Известия. – 1989, 1 и 17 мая, 17 июня.
88. Красная звезда. – 1989, 16 июля.
89. Послание Национального совета РА Верховному Совету СССР // Красная звезда. – 1989, 13 июня.
90. Известия. – 1989, 5 сентября.
91. Правда. – 1989, 3 июля; Известия.– 1989, 5 июля, 29 августа; Красная звезда. – 1989, 5 июля.
92. Известия. – 1989, 23 августа.
93. Известия. – 1989, 19 августа.
94. Правда. – 1989, 14 октября.
95. Правда. – 1989, 13 декабря.
96. Speech Delivered by Comrade Najibullah at PDPA CC Oct. Plenum. – Kabul: State Publishing House, 1989. – P. 3–7.
97. Известия. – I989, 1 августа.
98. Известия. – 1989, 25 октября.
99. Правда. – 1989, 21 и 23 ноября, 31 декабря; Красная звезда. – 1989, 17 декабря.
    Постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической оценке решения о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г.» 24 декабря 1989 г. // Правда. – 1989, 28 декабря.
100. Доклад Центрального комитета НДПА второму съезду партии. 26 июня 1990 г. // Пейам. – 1990, 27 июня. – На языке дари. Здесь и далее ссылки даются на этот документ.
101. Интервью президента РА Наджибуллы специальному корреспонденту «Известий» // Известия. – 1989, 18 апреля.
102. Правда. – 1989, 26 апреля; Известия. – 1992, 22 января.
103. Пейам. – 1990, 30 июня.
104. Эхо планеты. – 1990, август. – № 33–34. – С.19.
105. Правда.– 1990, 24 июля; Известия. – 1990, 24 июля.
106. Правда. – 1990, 26 августа.
107. Известия.– 1991, 3, 5 и 8 апреля; Красная звезда. – 1991, 10 и 13 апреля.
108. Известия. – I991, 30 августа.
109. Известия. – 1991, 14 сентября.
110. Московские новости. – 1992, 1 марта.
111. Красная звезда. – 1992, 31 января.
112. Известия. – 1992, 22 мая.
113. Известия. – 1992, 18 апреля.